

© Кряж И.В., 2013

Кряж И. В. Роль экологической позиции личности в регуляции экологически значимых действий / Кряж И. В. // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України. – Житомир, 2013. – Том VII. Екологічна психологія. – Випуск 33. – С. 268-277.

УДК 159.9:504.05

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ В РЕГУЛЯЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ДЕЙСТВИЙ

Кряж И. В.

Аннотация. Предлагается структурно-динамическая модель социокультурной регуляции процессов жизнеобеспечения в современном обществе, раскрывается регуляторная роль культурных смыслов, зафиксированных в форме доминирующей социальной парадигмы (ДСП) и новой экологической парадигмы (НЭП). Основное различие между ДСП и НЭП проявляется как оппозиция «финансово-экономическая ориентация – экологическая ориентация». Вводится понятие экологической позиции личности, определяющей потребительскую (экоразрушительную) либо экосберегающую направленность экологически значимых действий.

Ключевые слова: экологически значимые действия, новая экологическая парадигма, доминирующая социальная парадигма, экологическая позиция личности.

Анотація. Запропоновано структурно-динамічну модель соціокультурної регуляції процесів життєзабезпечення у сучасному суспільстві, розкривається регуляторна роль культурних смислів, що зафіксовані у формі домінуючої соціальної парадигми (ДСП) та нової екологічної парадигми (НЭП). Головна різниця між ДСП та НЭП проявляється як опозиція «фінансово-економічна орієнтація – екологічна орієнтація». Введено поняття екологічної позиції особистості, що визначає споживацьку (екоруйнівну) або екозберігаючу спрямованість екологічно значущих дій.

Ключові слова: екологічно значущі дії, нова екологічна парадигма, домінуюча соціальна парадигма, екологічна позиція особистості.

Kryazh I. V. Role of ecological position of the person in regulation of ecologically significant actions

Annotation. The structurally-dynamic model of social regulation of processes of life-support in a modern society is offered, the regulating role of the cultural meaning fixed in the form of the dominating social paradigm (DSP) and a new ecological paradigm (NEP) reveals. The basic distinction between DSP and NEP is shown as opposition «financial economic orientation – ecological orientation». The concept of an ecological position of the person setting an orientation of ecologically significant actions on growth of consumption (eco-destructive) or on (eco)conservation is entered.

Keywords: Ecologically significant actions, the new ecological paradigm, dominating social paradigm, ecological position of the person.

Благополучие, здоровье и само существование людей в долгосрочной перспективе зависит от устойчивого и стабильного функционирования экологических систем нашей планеты, образующих благоприятное для жизни человека экологическое окружение и являющихся основой человеческого

жизнеобеспечения. Поэтому глобальные экологические изменения относятся к числу наиболее актуальных на сегодня проблем человечества, решение которых, по словам Генерального Секретаря ООН Пан Ги Муна, является «великим нравственным, экономическим и социальным императивом нашего времени» [1, с. xvii]. Беспрецедентно быстрое нарастание современных экологических изменений происходит под влиянием экоразрушительной человеческой активности, которая определяется:

- экодеструктивными способами жизнеобеспечения на уровне социума,
- экопотребительским образом жизни на уровне отдельных индивидов.

Это означает, что решение экологических проблем современности невозможно без изменений в экологически значимых действиях людей. Поэтому актуальной задачей современной психологической науки является изучение системы регуляции поведения, релевантного проблемам антропогенных изменений в экосфере планеты.

Под экологически значимыми действиями мы понимаем действия по получению и потреблению экологических ресурсов – жизненных ресурсов, обеспечиваемых экологическим окружением. В качестве объективного критерия экологической значимости П. Стерн предлагает рассматривать объективные последствия действий: степень, в которой человеческое поведение «изменяет доступность сырья или энергии, получаемых из окружающей среды, или изменяет структуру и динамику экосистем или биосферы как таковой» [2, с. 408]. При таком понимании экологически значимых действий на первый план выходят их экологические последствия, т.е. эффекты их влияния на экологическое окружение, и в первую очередь – эффекты негативные, проявляющиеся в форме глобальных экологических изменений. Последние, в свою очередь, тем или иным образом воспринимаются, интерпретируются и оцениваются людьми, определяя, в той или иной степени, характер совершаемых ими экологически значимых действий.

Вопрос о системе взаимосвязей антропогенных экологических изменений и человеческого поведения поднимался в отчете рабочей группы Американской

психологической ассоциации «Психология и глобальные климатические изменения», подготовленном в 2010 г. [3]. Ведущими инвайронментальными психологами была предложена модель психологического анализа антропогенных климатических изменений, раскрывающая взаимообусловленность состояния экологических систем и человеческих систем (рис. 1).

Рис. 1. Психологические аспекты антропогенных климатических изменений: движущие силы, влияния, ответы (приводится по: [3, 30])

Согласно модели (рис. 1), глобальные экологические изменения, проявляясь через экологические катаклизмы, оказывают влияние на индивидов и сообщества, обуславливая проэкологические изменения в человеческом поведении, в первую очередь – в поведении потребительском. Эти проэкологические (т.е. снижающие антропогенное давление на среду)

изменения осуществляются в рамках конкретного институционального, социального и культурного контекста, будучи зависимыми от него и, одновременно, оказывая на него формирующие влияния.

Как легко заметить, в предложенной модели рассматривается только одно – проэкологическое – направление изменений в человеческом поведении, побуждаемое и подкрепляемое процессами антропогенного экоразрушения. Вместе с тем, как показывает исторический анализ, экологические изменения, вызванные человеческой активностью, как правило, сопровождались обострением противостояния «человеческие сообщества – природное окружение», способствуя закреплению экоразрушительных тенденций в системе жизнеобеспечения людей, в их экологически значимом поведении [4; 5; 6; 7; 8].

Система жизнеобеспечения современного общества включает три базовые составляющие, образующие контуры положительных обратных связей и определяющие нарастающий экоразрушительный эффект человеческой активности. Такими составляющими являются: развитие технологий преобразования экологического окружения; рост потребления, определяемый ростом численности населения в развивающихся странах и ростом товарного потребления на душу населения в развитых странах; экологическая экспансия (расширение территории обитания человека за счет разрушения природных экосистем) [3; 9; 10; 11; 12 и др.]. Это основные способы решения задач человеческого жизнеобеспечения в системе «человек – экологическое окружение», и как таковые они поддерживаются ментальными установками, разделяемыми в социуме и зафиксированными в форме доминирующей социальной парадигмы (далее – ДСП) [6; 13; 14].

Содержание ДСП может быть описано в системе двух измерений: социально-экономического и космологического [394; 395], из которых первое представлено экономическим, политическим и технологическим компонентами [413; 322]. Экономический компонент ДСП выражается в идеологии роста потребления; политический – в либерализме, поддерживающем индивидуализм

и частную собственность; технологический – в технологическом оптимизме. Как показывают исследования, именно экономический компонент ДСП оказывает решающее негативное влияние на экологические установки и готовность к проэкологическому поведению (по: [395, 39]). Космологическое измерение ДСП проявляется через антропоцентризм, атомизм и ориентацию на конкуренцию (на индивидуальную конкурентоспособность и на соревнование человека с природой) [15; 16]. Оба параметра – социально-экономический и космологический – пересекаются и дополняют друг друга в позиции эко-потребительского антропоцентризма, выразившейся в идее материального прогресса. При этом «технологический прогресс приравнен, по сути, к прогрессу, а прогресс как таковой приравнивается к материальному прогрессу... Суперординантная цель западного общества – институционализация экономического роста, и технология – способ обеспечения этого роста» [16, 38].

Антропоцентризм и вера в прогресс как непрерывный рост материального благосостояния, обеспечиваемый за счет использования новых технологий, оправдывают рост потребления, экоразрушительные технологии, экологическую экспансию. В свою очередь, достижения материального прогресса подкрепляют ДСП. Неизбежное, ввиду превышения несущей способности экосистемы, сокращение экологических ресурсов, создающее угрозы для жизнеобеспечения сообщества, укрепляет позицию противостояния человека природному окружению и способствует усилению экоразрушительной активности. Анализ показывает, что попытки решить экологические проблемы, следуя ценностным приоритетам традиционной ДСП (свобода, власть и безопасность, материальный прогресс как условие социального процветания), ведут к усилению антропогенного давления на экосистемы [12].

Анализ научного и общественно-политического дискурса показывает, что осознание глобальных угроз, обусловленных антропогенными экологическими изменениями, связано с формированием и развитием в индустриальном обществе новой экологической парадигмы (далее – НЭП).

Содержание НЭП определяется исследователями через следующие

убеждения: *homo sapiens* – один из многих взаимозависимых биологических видов в биотических сообществах; мир, в котором мы живем, имеет жесткие физические и биологические пределы; человек не способен предусмотреть все нежелательные последствия своих действий; другие виды живых существ имеют такие же экологические права, как и люди; природный баланс хрупок и может быть нарушен; существует угроза антропогенной экологической катастрофы [17; 18; 19]. Таким образом, отличия НЭП от ДСП проявляются двояко: через отказ от атомистической антропоцентрической картины мира и через представления о значении экосистем и экологической стабильности для жизни людей. В условиях глобальных экологических изменений НЭП обеспечивает понимание субъектом экологических угроз и определяет его эмоциональный отклик в форме экологического беспокойства.

В то время как доминирующая социальная парадигма (ДСП) поддерживает сложившуюся экоразрушительную систему жизнеобеспечения, требующую неуклонного роста экопотребления и усиливающую антропогенные экологические угрозы, НЭП выступает в качестве фактора экосберегающей активности, направленной на снижение антропогенного давления на экосистемы (рис. 2). Таким образом, существующая система жизнеобеспечения в целом ведет к неблагоприятным для людей экологическим изменениям, характер интерпретации и оценки которых определяет направленность человеческой активности. Оценка происходящего с позиций доминирующей социальной парадигмы служит основанием для более интенсивного экопотребления, в то время как осмысление тех же событий с позиций новой экологической парадигмы ориентирует на экосохранение. Как отмечалось выше, в структуре ДСП выделяют компоненты социально-экономического и космологического содержания, т.е. представления и убеждения о мироустройстве и месте человека в мире согласуются с представлениями и убеждениями относительно социально-экономического устройства и направления развития человеческого сообщества. Содержание НЭП раскрывается через представления о месте человека в экологическом

сообществе и о существующих экологических ограничениях для людей, вопрос же о соответствующей этим космологическим убеждениям социально-экономической системе остается открытым. НЭП вскрывает нежизнеспособность экоразрушительных способов жизнеобеспечения и ориентирует на поддержание гармонии в отношениях с экологическим окружением, однако не задает четких социально-экономических ориентиров, в отличие от ДСП. Основное различие между ДСП и НЭП, таким образом, проявляется как оппозиция «финансово-экономическая ориентация – экологическая ориентация».

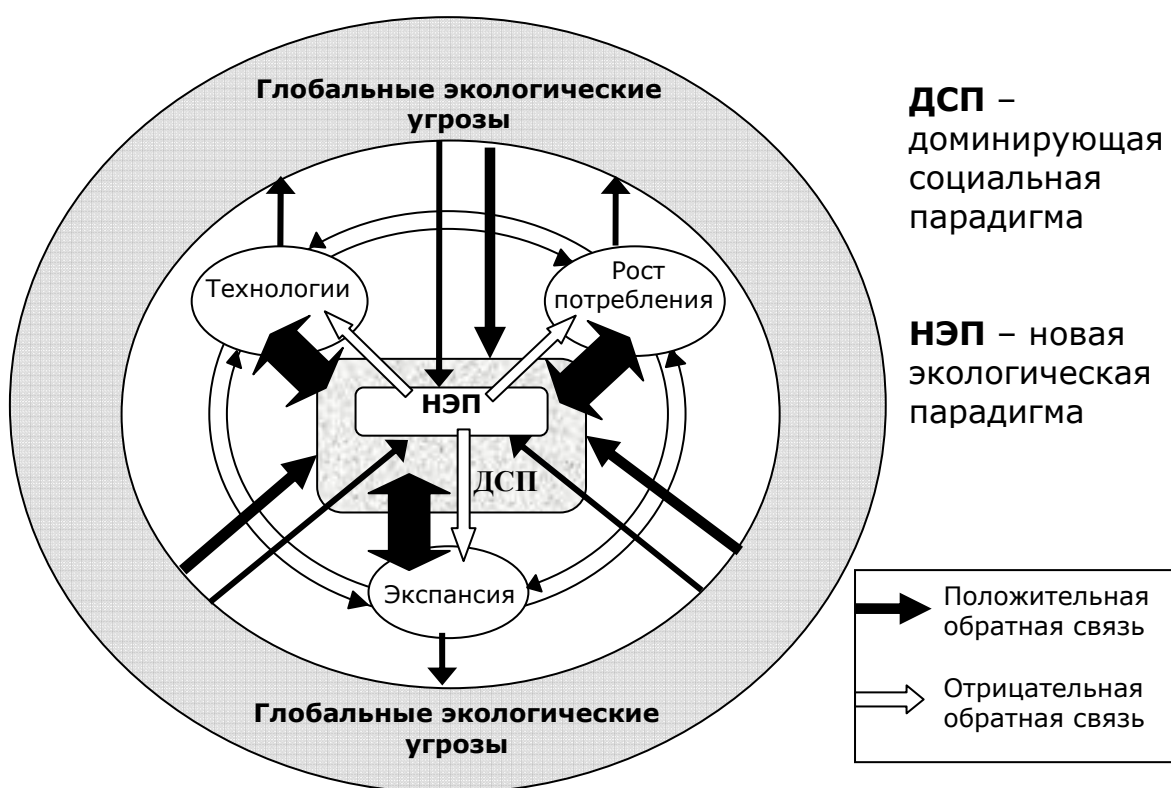

Рис. 2. Модель социокультурной регуляции процессов жизнеобеспечения в современном обществе

Экологически релевантное поведение отдельного субъекта реализуется в рамках социально-экономической системы, направленной в целом на рост материального потребления, достигаемого за счет разрушения экологического окружения. Такое поведение, с одной стороны, обеспечивает субъекту доступ к жизненным ресурсам, но с другой – включается в процесс разрушения самой основы человеческого существования. В той мере, в какой субъект

ориентируется на требования экономической системы, он неизбежно ориентируется на рост потребления как условие и показатель экономической стабильности. Тем самым активность субъекта получает экоразрушительную направленность, поддерживая общий тренд роста экопотребления в социуме. К изменению этой направленности ведет ориентация на требование экологической устойчивости как условия стабильного в долговременном плане жизнеобеспечения сообщества. В этом случае регуляция экологически релевантного поведения осуществляется в контексте взаимодействия с экологическим окружением (с позиции принадлежности экологическому сообществу), соответственно, субъект соотносит свою потребительскую активность с возможностями экологических систем – «поставщиков» экологических ресурсов. Поскольку в условиях масштабной деградации экологических систем эти возможности резко снижаются, такая регуляция задает тенденцию к снижению антропогенной нагрузки на экосистемы (к уменьшению так называемого *экологического следа*), что позволяет говорить об экосберегающем поведении.

Экоразрушительная или экосберегающая направленность поведения определяется внутренней позицией, занимаемой субъектом при определении задач жизнеобеспечения. Такую позицию, раскрывающую отношение к экологической действительности и обуславливающую восприятие экологических изменений, мы обозначаем как ***экологическую позицию***. Различия между экоразрушительной и экосберегающей направленностью поведения связаны с особенностями экологической позиции субъекта, обозначенными в таблице.

Для экоразрушительного поведения характерны направленность на рост материального потребления, осмысление субъектом своих действий в рамках финансово-экономического контекста, отношение к деньгам как основному жизненному ресурсу; для экосберегающего поведения – направленность на поддержание экологической устойчивости, на снижение антропогенного давления на экосистемы, осмысление своих действий в биосферном контексте,

отношение к природным экологическим системам (биосфере планеты) как основе жизнеобеспечения человека. В первом случае экологическое окружение наделяется денежно-утилитаристскими смыслами, качество жизни связывается с финансовым благополучием, субъект переживает свою причастность товарно-денежной системе, во втором – экологическое окружение обретает для субъекта внутреннюю ценность, качество жизни оценивается по экологическим критериям, субъект переживает свою экологическую (биосферную) причастность.

Таблица

Различия между экоразрушительным и экосберегающим поведением

Показатели экологической позиции субъекта	Поведение	
	Экоразрушительное	Экосберегающее
Направленность действий	Рост материального потребления (потребления экологических ресурсов)	Поддержание экологической устойчивости, снижение антропогенного давления на биосферу
Разделяемая социальная парадигма	Доминирующая социальная парадигма	Новая экологическая парадигма
Основной источник жизнеобеспечения (в представлениях субъекта)	Финансово-экономическая система (деньги)	Экологические системы (биосфера)
Смыслообразующий контекст, в котором оценивается ЭРП	Финансово-экономический (взаимодействие с социальным окружением)	Экологический (взаимодействие с экологическим окружением)
Идентичность	Экономическая (переживание своей включенности в товарно-денежные отношения)	Экологическая (переживание своей общности с биосферой, <i>экологическая комплицитность</i>)
Ценностные смыслы экологического окружения	Денежно-утилитаристские (товарно-денежные)	Биосферные (основа жизни)
Ведущий критерий качества жизни	Финансовое благополучие	Экологическое благополучие

Мы предлагаем рассматривать экологическую позицию как управляющий параметр системы смысловой регуляции экологически релевантного поведения, обеспечивающий избирательное отношение субъекта к культурным смыслам (зафиксированным в культурных ценностях и парадигмах) и определяющий смысловую динамику экологически релевантного поведения: актуализацию одних смысловых образований и нейтрализацию других, их сочетания и оппозиции.

Выводы:

Индивидуальное экологически релевантное поведение обусловлено системой жизнеобеспечения социума в целом. В современном промышленно развитом обществе эта система диктует потребительский образ жизни, оправдывающий и определяющий экоразрушительную в целом активность всего сообщества и его акторов. Однако в той мере, в какой субъект реализует свою возможность делать выбор в пользу экологически щадящего способа действий, можно говорить о его экосберегающем поведении. Экологически значимые решения, принимаемые субъектом, направленность его действий зависят от его экологической позиции. Экологическая позиция как «смысловой вектор экопотребления» выражается в том, какая сфера действительности – экосфера и/или социально-экономическая сфера наделяется смыслами первичного источника жизненного ресурса и основы жизнеобеспечения человека.

Литература

1. GEO-4: Global Environment Outlook: environment for development / UNEP GEO team. – Union Nation Environment Programme, 2007. – 540 p. [На русском языке: GEO-4 UNEP. Глобальная экологическая перспектива: окружающая среда для развития] [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.unep.org/geo/geo4.asp>
2. Stern P. C. Toward a coherent theory of environmentally significant behavior / Paul C. Stern // Journal of social issues. – 2000. – Vol.56. – N 3. – P. 407–424.
3. Psychology and Global Climate Change: Addressing a Multi-faceted Phenomenon and Set of Challenges: A Report by the American Psychological Association's Task Force on the Interface between Psychology and Global Climate Change, 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://culturechange.org/go.html?609>
4. Круть И. В. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества / Круть И. В., Забелин И. И. – М.: Наука, 1988. – 416 с.
5. Баландин Р. К. Природа и цивилизация / Р. К. Баландин, Л. Г. Болдарев. – М.: Мысль, 1988. – 391 с.
6. Каттон У.Р. Конец техноутопии. Исследование экологических причин коллапса западной цивилизации / Уильям Р. Каттон, мл. – Киев: ЭкоПраво-Киев, 2006. – 256 с.
7. Уайт Л. Исторические корни нашего экологического кризиса / Линн Уайт-мл. // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 188–202.

8. Кряж И. В. Психология глобальных экологических изменений: монография / И. В. Кряж. – Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. – 512 с.
9. Бейтсон Г. Экология разума / Грегори Бейтсон. – М.: Смысл, 2000. – 463 с.
10. Данилов-Данильян В.И. Перед главным вызовом цивилизации: Взгляд из России / Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С., Рейф И. Е. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 224с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://liter-lib.ru/r/rejfi_e/peredglawnymwyzowomciwilizacii.shtml
11. Коммонер Б. Замыкающийся круг. Природа, человек, технология / Барри Коммонер. – М.: Гидрометеиздат, 1974. – 279 с.
12. GEO-3: Global Environment Outlook. Past, present and future perspectives / UNEP GEO team. – Nairobi, 2002. [На русском языке: Глобальная экологическая перспектива-3] [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.unep.org/geo/geo3/russian/index.htm>
13. Pirages D. C. Ark II: Social response to environmental imperatives / Dennis C. Pirages, Paul R. Ehrlich. – N-Y: The Viking Press, 1974. – 344 p.
14. Milbrath L. W. Environmentalists, Vanguard for a New Society / Lester W. Milbrath, Barbara V. Fisher. – State University of New York Press, Albany, 1984. – 180 p.
15. Kilbourne W. E. A multinational examination of the role of the dominant social paradigm in environmental attitudes of university students / William E. Kilbourne, Suzanne C. Beckmann, Alan Lewis, Ynte van Dam // Environment and Behavior. – 2001. – Vol. 33. – P. 209–228.
16. Kilbourne W. E. Environmental attitudes and their relation to the dominant social paradigm among university students in New Zealand and Australia / William E. Kilbourne, Michael J. Polonsky // Australasian Marketing Journal. – 2005. – Vol.13. – N 2. – P. 37–48.
17. Catton W.R. Environmental sociology: a new paradigm / William R. Catton, Riley E. Dunlap // American Sociologist. – 1978. – Vol. 13. – No 1. – P. 41–49.
18. Dunlap R. E. The "new environmental paradigm": A proposed instrument and preliminary results / Riley E. Dunlap, Kent Van Liere // Journal of Environmental Education. – 1978. – Vol. 9. – N 4. – P. 9–19.
19. Dunlap R.E. Measuring endorsement of the new ecological paradigm: a revised NEP scale / Riley E. Dunlap, Kent D. Van Lier, Angela G. Mertig, Robert Emmet Jones // Journal of social issues. – 2000. – Vol. 56. – N. 3 – P. 425–442.